

Вырезка из газеты

КОММУНИСТ
ТАДЖИКИСТАНА

г. Душанбе

30 СЕН 1980

Гастроли театра для детей и юношества (Алма-Ата)

ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ С СОЛИСТАМИ

ная, практически без пауз, когда артисты наполовину «переживают», а наполовину «представляют».

И что же? Желаемый эффект все равно достигается. Ибо условность, быстрая монтажная смена мизансцен, одновременное присутствие десятка, а то и больше действующих лиц — все это служит в обоих спектаклях возникновению водоворота, стремящегося как бы затянуть, поглотить основных героев, свести на нет их личностное сопротивление окружающему. То есть герои — и герои именно юные — отстаивают самоценность человека с его потребностью в любви, честности, порядочности, самостоятельности и т. д., а другие персонажи — юные и не очень — пытаются привести тех героев к спокойно-усредненному знаменателю, не выходя за рамки прописных истин.

Спектакли повествуют о разном. «Назначь мне свидание» — о возможном, желаемом и ненужном в любви. История же девятиклассников из «Завтра была война» — не столько о хороших и плохих сверстниках, родителях, знакомых, сколько о породе сразу после 37-го года, воспринимающей человека шаблонно, одномерно. Спектакль носит трагический оттенок: Вика Люберецкая кончает жизнь самоубийством. Реалиям того времени противопоставляется хрупкая самоотверженность школьников.

Размышления о времени и его деталях достигают парадоксально-иронического обобщения в версии известной сказки Л. Филатова, названной театром «То, чаво на белом свете вообще не может быть...». Рисуя быть обвин

ненным в передержках и в сопоставлении несопоставимого, осмелюсь провести аналогию между данной интерпретацией режиссера В. Туманова и таким событием текущего театрального десятилетия, как пушкинский «Борис Годунов» Ю. Любимова на сцене Таганки. (Беру это определение с афиши спектакля). Эта постановка сняла спекулятивно-официозный налет с понятий, связанных со словами «народ», «народность». Народ — хотя бы в рамках одного спектакля, доказывает Ю. Любимов вслед за Пушкиным, может быть очень и очень разным. В том числе к поддающимся манипуляциям власти, неуправляемой толпой с далеко не лучшими побуждениями и т. д.

«Борис Годунов» — высокий жанр. Филатовская же сказка у алмаатинцев толкует взаимоотношения народа и власти иронично, в балаганном ключе. У зрелища — насквозь простонародно-пародийная «закваска». Народ в лице скоморохов ломает перед многоуважаемой публикой комедию, смотря на себя и на события сказки поразному и как бы со стороны. Очевидный девиз представления — «Человечество расстается со своим прошлым, смеясь».

Щедрая фантазия театра и режиссера, внесших в спектакль массу неожиданных находок, прямо-таки провоцирует вопрос: не далеко ли данная версия отходит от текста сказки, есть ли предел режиссерско-актерскому произволу? Не зная мнения по этому поводу Л. Филатова, все же убежден: он бы смеялся над спектаклем гостей наравне со зрителями и радовался бы, как изобретательно обыгрываются строки

и характеры, сочиненные им.

И в самом деле: скоморохи разыгрывают историю из жизни некоего царства-государства, логически расширяя ее во времени и пространстве. У Л. Филатова появление чудесного оленя с золотыми рогами мимоходом связывается с Багдадом — и театр в эпизодах с оленем разворачивает перед нами фантазию на восточные темы. Баба-Яга и ее окружение относится к разряду нечистых сил? Безусловно. Но во мнении иных радителей стерильности искусства цыгане и рок-музыка также отдают чертовщиной. Вот именно отсюда и возникают рядом с Бабой-Ягой «чавелы» и ронеры.

В принципе алмаатинцы, аранжируя филатовскую сказку, на радость щедро, с вавилонской пестротой костюмов и дерзкими параллелями с нашей недалекой стариной, не открывают никакой театральной Америки. Перед нами работа в канолах народного, балаганного театра, любой сказочный, исторический материал соотносящего с современностью, ищущего полного понимания зала и контакта с ним.

...В контексте спектаклей, о которых рассказано, вполне вписались бы и «Трое под одной крышей» с вопросом: почему так, а не иначе складываются обстоятельства нашей жизни и мы сами? — если бы не причины следующего порядка. Спектакль предназначен для малой сцены, в нем был занят не самый оптимальный состав, поэтому тонкие режиссерские ходы Б. Преображенского с трудом замечались. Еще более мешала их восприятию нечеткость актерской игры. Потом (не знаю, чья это беда или вина, нашего города или гостей), вторая их гастрольная сцена, Дома офицеров, лишь с явной натяжкой отвечала театральным требованиям.

И все же плодотворный разговор, основные темы которого предложили алмаатинцы и на содержательность которого резонно надеялись их сентябрьские зрители, состоялся. Остается надеяться, что театр из столицы Казахстана через какое-то время закрепит свое первое знакомство с нами.

К. КЛЮТКИН.